

Т. Г. МИХАЛЬЧУК

**ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОВТОРА
ЧУЖОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
СО ЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСИЯ-НЕСОГЛАСИЯ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 20-Х ГОДОВ**

Согласие-несогласие (СН) в русском языке передается различными способами. Первый способ заключается в повторе «подтверждаемого» или «отрицаемого» вслед за собеседником с использованием модального переключателя¹. Форма высказывания СН создается с учетом функции и формы исходной реплики.

Непринужденный разговор почти всегда включает в себя повтор как конструктивный элемент диалога. Н. Ю. Шведова выделила 12 основных лексико-семантических типов реплик-повторов, среди которых: собственно повторы, не осложненные никакими добавочными словесными элементами; повторы с наречными частицами (**зачем, прямо уж**), с местоименными частицами, с союзными частицами и др.²

Повтор чужого высказывания бывает полным и неполным. Полный повтор — сравнительно редкое явление. Он используется для передачи дополнительной коммуникативно-стилистической функции, а также является признаком официального общения.

Приведем примеры полного повтора-согласия (безапелляционного согласия): (Председатель:) Скажи курьеру, чтобы за ним следом шел, до самого дома довел.— (Матрос:) **Есть до самого дома!** (В. Билль-Белоцерковский. Штурм). Ср. полный повтор с шутливым оттенком: (Татьяна:) Ксения! Придержи язык!— (Ксения:) **Есть! Приказано удерживать язык!** (Б. Лавренев. Разлом).

В художественных произведениях полный повтор используется для усиления акцентирования мысли, категоричности, эмоциональности высказывания, например: (Первый голос:) Значит, вы не родня Карлу Марксу? — (Горностаев:) **Нет, не родня Карлу Марксу** (К. Тренёв. Любовь Яровая). (Любовь:) Вам лучше знать.— (Панова:) **Нет, уж вам лучше знать** (там же).

Ввиду действующей тенденции к экономии речи чаще используется неполный повтор, т. е. говорящий в ответной реплике ограничивается повтором лишь коммуникативно-значимой части подтверждаемого или отрицаемого. Энергичен сокращенный повтор, построенный на интенсификаторах или акцентуаторах, например:— Ну, этих ведь мало? — **Мало.**

Да вредный они народ (Дм. Фурманов. Мятёж).— Так ли я говорю, дети?— Так (М. Горький. Как я учился).

Краткость повтора хорошо гармонировала с тенденцией к краткости, отрывистости художественной речи. Характеризуя стиль прозы 20-х годов, А. Толстой писал: «В тот период развития литературы (1922—1923 гг.) была в моде так называемая «рубленая проза». Многие пишущие люди говорили: произведение будет динамическим, если писать короткими фразами в 3—4 слова»³.

Представляет интерес повтор чужого высказывания в вопросительной форме. В повтор-несогласие входит, во-первых, **«чистый» повтор**, т. е. **вопрос-несогласие, не предполагающий ответа**, поскольку... «риторический вопрос ответа не требует — он выражается самим содержанием риторического вопроса, являющимся эмоционально-экспрессивным утверждением (отрицанием)»⁴. Например: (Хрущ:) Не свистать!— (Мазухин:) А кто свистит? Я потихоньку (К. Тренев. Любовь Яровая).— Собрали бы вот да на платье бархатно выменяли, а то на шелково, а?— **Куды мне шелка?** Скука (Вс. Иванов. Лога). Здесь вопросительные местоимения, частицы являются модальными переключателями. Используются в качестве модальных переключателей разве, неужели, нешто, чего, где ж, кто, куда и пр. Л. Ф. Бердник отмечает: «Риторические вопросительные предложения обычно характеризуются как особый стилистический прием, служащий для украшения речи, для экспрессивности высказывания»⁵.

Распространен и **вопрос-переспрос на уточнение, формально предполагающий ответ**. В его составе имеется вопросительное местоимение, например:— Гражданин Копай,— сказал спокойно, немного даже весело,— ваши лодки мобилизуются на сегодняшний день...— **То ись как мобилизуются?** — глухо проворчал лавочник (А. Фадеев. Разлив.) (Панова:) Красных люблю.— (Кошкин:) Гм... **За что же это вам красных любить?** Кажись, не нашего вы поля? (К. Тренев. Любовь Яровая). А хозяин держится индифферентно — ваньку валяет.— С вас, говорит, за скушанные четыре штуки столько-то.— **Как, говорю, за четыре?** Когда четвертое в блюде находится (М. Зощенко. Аристократка).

В особую группу можно выделить **вопрос «на уточнение»**, но как междометное выражение неудовольствия, раздражения, резкого протеста, запрета, например: (Сторож:) Не велено пущать.— (Автор:) **Как—не велено? Почему не велено?** (Ю. Юрьин. Агитпьеса). (Дунька:) Теперь все народное.— (Марья:) **Какое же оно народное, когда под руками аж лопнуло? Сымай зараз, кобыла!** (К. Тренев. Любовь Яровая).

Ю. М. Скребнев справедливо указывает: «Эмоциональный повтор-переспрос, выражающий несогласие с высказыванием собеседника, следует отличать от неэмоционального повтора-переспроса, который **различается в двух видах**: 1. переспрос, не сопровождающийся никаким положительным утверждением, т. е. подлинный переспрос, вызванный либо неполным пониманием услышанного вопроса, либо желанием выиграть время для обдумывания ответа; 2. переспрос, сопровождающийся дополнительным высказыванием, т. е., в сущности, мнимый переспрос: — Аню Иващенко помнишь? — Аню Иващенко? Где она?»⁶

Часто используется также и **повтор-согласие** в форме вопроса, например:— Ну, а с детьми как? Поди трудно? — **Как не трудно?** Не то работу делай, не то за детьми гляди,— хочь раздерись (А. Серафимович. Бабья деревня).— В Нели-то скажи отцу, чтоб наведался. Придавило мол. (Монах:)— **Скажу, зачем не сказать?** (Л. Леонов. Гибель Егорушки).

Конструкция такова: **вопросительное местоимение + наречие + частица не (выступает в качестве модального переключателя) + повтор + интонация. (Что же это как не + сущ. в им. п.; а то разве не + сущ. в им. п.; отчего же не + инф.; как не + П; что же тут не + П; кому же мне + гл. в инфинитиве; если не + П (сущ. в д. п.); П + зачем не + П?).** В этих конструкциях мы наблюдаем согласие («аффирмацию»).

конструктивно воплощенное в виде двойной негации (двойного модального переключателя).

Традиционно под двойной негацией понимаются исторически сложившиеся составные формы отрицания типа **никто не пришел**⁷. Такие формы оправдывают название двойной негации лишь исторически, так как в языке нет противопоставленной ему «одинарной» негации (типа, например, **никто пришел**). В формах же вопроса «согласия» мы встречаем сложение форм, каждая из которых по отдельности выражает «отрицание». **Ты ушел?** (утв.); **разве ты ушел?** (отрицание-несогласие); **разве ты не ушел?** (двойное отрицание-согласие). Из примеров должно быть лишний раз видно, что частица **не** и ее эквиваленты в русском языке имеют в основе не модальное значение («отрицания» или несогласия), а лексико-семантическое («переключение» лексического значения слова в составе высказывания на противоположное), почему их точнее называть семантическим переключателем (а в условиях конструкции СН модальным переключателем).

При повторе СН в качестве модального переключателя самостоятельно или в сочетании с другими лексико-грамматическими показателями может выступать интонация, особенно отрицательная: недоверия, возмущения, раздражения, гнева, презрения, иронии. Например: — **Может быть, он не знал, что вы хорошо понимаете в военном деле? — Господи, не знал! Да все об этом знают, спросите у любого** (А. Фадеев. Разгром). — **Вы грамотная? — Какая там грамота!** (А. Фадеев. Последний из Удэге).

Драматургами на базе повтора-несогласия воспроизводится речь собеседника в целях ее передразнивания, например: — **Я же тебе сама и наловила их после. — Наловила! Те были ученые, которых задавила...** (М. Горький. Страсти-Мордасти). — **Что ты ворчишь? — Возражаю я. — Не ехал бы. — Не еха-а-ал!! А что я буду в Лебяжьем делать? Твои братцы «кошмоеды» мне надоели, поглядел я на них — будет!** (Вс. Иванов. По Иртышу).

Часто используется повтор СН с различными модальными оттенками, например, повтор с модальным значением возможности, реализации: — **Что же, тяжело и теперь? — Как же не тяжело, в огне** (А. Серафимович. В огне). Ср.: повтор с модальным оттенком неопределенной достоверности: — **Значит, дружбы нет? — задаю ему острый вопрос. — Оно не то чтобы нет, а не то чтобы есть — разводит Климыч мудрейшую непонятную философию** (А. Фурманов. Мятёж).

Повтору в речи эквивалентны антонимические замены, например: (Фольгин:) **Но я всю жизнь мечтал о конституции.** — (Малинин:) **А я всю жизнь боролся с конституцией.** (Любовь:) **Но ты мало видел.** — (Яровой:) **О, как много!** (К. Тренев. Любовь Яровая).

На базе первого способа СН образуется синонимический повтор с различными экспрессивно-смысловыми оттенками. Синонимы используются для стилизации передачи речевых особенностей простого народа. Синонимический повтор позволяет говорящему также выражать дополнительные содержательные и экспрессивно-эмоциональные оттенки, передает коммуникативно-речевую независимость отвечающего, вносит в речь творческий момент. Например: — **Сожгли? — Спалили, просто ответил Селезнев, вынимая кисет** (Вс. Иванов. Партизаны). — **А собак у вас много? — Собак — хватает, да они незлые** (А. Фадеев. Разгром).

В художественных произведениях 20-х годов повтор выполняет и другие стилистические функции. Он используется писателями для экспрессивного отрицательного сравнения и противопоставления, например: — **Но вы все-таки инженер или не инженер? — улыбнулась Лена. — Такой же инженер, как вы, извиняюсь, паровозный машинист, — весело поблескивая глазками, ответил Чуркин** (А. Фадеев. Последний из Удэге). — **Море! Ах, море! Вот оно, море! Ничего я не люблю так, как море! — Кашу больше любишь, поди, — заметил спокойно Гаврила Лукич** (Дм. Фурманов. Морские берега).

Первый способ выражения СН обусловлен в своей реальной форме лексико-грамматическим построением исходной реплики. Такое условие делает невозможным предварительную подготовку форм этого способа. То же условие (мгновенность словесной реакции на чужую речь и принципы опоры на чужую речь) характерно для каламбура: «Анекдот и афоризм можно приготовить заранее и преподнести в надлежащий момент. Каламбур же не может быть приготовлен заранее. Он — мгновенная реакция на слово собеседника. Упущен момент — и игра слов уже становится невозможной. Вот почему контекст играет в создании каламбура огромную роль»⁸.

Таким образом, контекст конструкции СН является типичной функционально-синтаксической рамкой для каламбура. У К. Тренева, Л. Сейфулиной, Б. Ромашова, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Неверова, А. Чапыгина и др. писателей в основу построения каламбуров кладется полисемия, омонимия, антонимия. Одним из приемов создания каламбуров — яркой языковой характеристики 20-х годов — является народная этимология (сближение двух слов, не связанных происхождением, но имеющих звуковое подобие). К каламбурам, построенным на народной этимологии, близки каламбуры, вызванные звуковой ассоциацией. Чаще всего она выражается рифмой, почти абсолютной. Приведем примеры разных способов построения каламбуров:

а) использование полисемии (многозначности слова).— Не хочу брать у тебя последнее.— **Последняя у попа попадьа**,— уже мягче сказал Политов (М. Шолохов. Пастух).— Ну, тогда собирай свои монетки, ночью дождь будет.— Ясное дело,— подтвердил Жмыхов.— **Не ясное, а хмарное**,— пошутил Стрюк (А. Фадеев. Разлив);

б) использование омонимии:— Каркаешь? Слюни разводишь? — Я к примеру говорю.— **Никакого примера не надо, без примера примерим** (А. Неверов. Гуси-лебеди). (Елисавет:) Либо в Москве Россию, либо в Париже вас, мою единую и неделимую.— (Панова:) **Не знаю, что вы получите в Москве или Париже, а здесь вы можете получить пощечину, и не единую** (К. Трнев. Любовь Яровая);

в) использование антонимии: (Яровой:) О каком это вы утверждении говорили? — (Панова:) **Об утверждении? Едва ли. Кроме взаимного отрицания у нас с вашей женой ничего нет** (К. Трнев. Любовь Яровая);

г) подхват народной этимологии — В Совет, Нюраша, выбрали. Вот гляди! Пропечатали: «Александр Елизарович Македонский». То есть надо бы Евдокимович, так отпечатка вышла.— «Отпечатка!» **Гляди, как бы на загрявок отпечатки не сделали** (Л. Сейфулина. Александр Македонский);

д) использование звуковой ассоциации слов:— Я первый стрелил — зверь лег! — **Оно и лег, да убег!** (А. Чапыгин. Люди с озер).

— Что, Егор, нарвался? — **Нарвался, да не порвался**,— ловко увернулся коротконогий Егор, потирая колени (А. Неверов. Гуси-лебеди). (Любовь:) Не дадите?.. Э, Иуда! — (Чир:) Не Иуда, а Иов — имя мое священное (К. Трнев. Любовь Яровая);

е) шутивное или ироническое переосмысление фразеологизмов. Интересными являются диалоги, в которых первая реплика представляет собой фразеологизм (утверждение, пожелание, оценку), а последующая — несогласие. Возникает перестройка фразеологизма, данного в исходной реплике, в реплике СН. Тем самым создается художественный эффект, например:— Спасай Вас бог! — кричали на берегу.— **Сами спасемся**,— проворчал под нос Горовой (А. Фадеев. Разлив).— Да каким чертом тебя сюда из Иваново-Вознесенска принесло? Степенко поправил: — **Не чертом, а поездом** (Л. Сейфулина. Правонарушители);

ж) рифмованные каламбуры. Встречается повтор с распространением, дающим ироническое переосмысление. Повтор «скрепляется» с распространяющей частью рифмой, изменение мысли собеседника внешне маскируется. Следующие каламбуры основаны на параллельном по-

строении фразеологизмов: (Излезна:). **Не видють, как сирота плачет, а видють, как скачет.**—(Старик:) **Сирота-а! Не пролезет в ворота!** (А. Се-
рафимович. Марьяна).— Столяры да плотники от бога прокляты, за то
они прокляты, что много лесу перевели. Натирая нитку мелом, Беспалых
ответил:— **Кабы не клин да не мох, так бы и плотник издох!**
(Вс. Иванов. Партизаны).

Повтор — многофункциональное явление русской диалогической речи,
которое требует дальнейшего всестороннего изучения.

¹ См.: Озаровский О. В. Способы выражения согласия-несогласия в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1974. № 6.

² См.: Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи: Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 70.

³ Толстой А. Литература и жизнь. М., 1939. С. 150.

⁴ Шердакова Л. Н. Риторический вопрос в языке произведений В. И. Ленина // Русский язык в школе. 1972. № 2. С. 83.

⁵ Бердник Л. Ф. О семантике вопросительных предложений // Проблемы грамматической семантики. Ростов-н-Д., 1978. С. 30.

⁶ Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 158.

⁷ См.: Кржижкова Е. К вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках // Slavia. Praha, 1968. Вып. XXVII.

⁸ Мокиенко В. М. Каламбуры у Горького // Русская речь. 1968. № 2. С. 32.